

Зависимость: Роман с ядами

Сергей Патрушев

18+

Сергей Патрушев

Зависимость: Роман с ядами

<https://litres.ru/74232472>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — захватывающее путешествие сквозь тысячелетия человеческих иллюзий, ритуалов и зависимостей. От шаманских трансов доколумбовой Америки до цифрового пара вейпов, от священных трубок мира до ковбойской рекламы Marlboro, от дионисийских мистерий до горбачёвского сухого закона — автор прослеживает, как табак и алкоголь превратились из сакральных инструментов общения с иным миром в глобальную индустрию, наживающуюся на наших слабостях.

Почему лист коки завоевал мир тайно, а табачный лист — открыто? Как сигарета стала символом женской эмансипации? Зачем русские «пьют горькую»? Опираясь на антропологию, нейробиологию и историю культуры, автор разбирает великую аферу капитализма: нам продали зависимость под видом свободы. Но главный вопрос книги остаётся безжалостным: где потерялась магия — и что именно мы ищем в дыме и на дне бокала сегодня?

Содержание

Глава 1. Растение силы: Шаманы и первые затяжки	4
Глава 2. Кола против сигареты: Два подарка Нового Света	25
Глава 3. Сестры-сигареты: Эмансипация на кончике мундштука	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Патрушев

Зависимость:

Роман с ядами

Глава 1. Растение силы: Шаманы и первые затяжки

Дым не был просто дымом. Задолго до того, как сигарета стала неотъемлемым атрибутом кинозвезды, чей силуэт в клубах табачного тумана превращается в символ роковой притягательности, а никотиновая зависимость обрела сухие медицинские формулировки в карточках пациентов и на пачках с предупреждениями Минздрава, табак был порталом. Он был той самой тонкой, дрожащей, едва уловимой границей между миром видимым — миром плоти, пота, глины и древесной коры — и миром невидимым, населенным бесплотными, но от этого не менее реальными сущностями. Густая, горькая, удушливая пелена, которую выдыхал шаман, была не метафорой, а буквальным мостом, материализованной субстанцией, в которой растворялись жалкие, ограниченные человеческие очертания и проступали лики

духов. Мы смотрим сегодня на человека, который с отсутствующим видом затягивается электронной сигаретой с ароматом манго, черничного маффина или бабл-гам, и видим лишь химическую взвесь, безвкусную и бессмысленную, пустой ритуал потребления, лишенный малейшего намека на сакральность. Мы воспринимаем кальян, над которым склонилась компания друзей в дизайнерском интерьере с приглушенным светом, исключительно как повод для светской беседы, расслабленного отдыха, развлечения, которое не требует ни малейшего душевного усилия. Но в начале своего долгого, извилистого пути, на заре своего знакомства с человечеством, табак не имел ровным счетом ничего общего ни с расслаблением, ни с привычкой, ни с медленным, методичным самоубийством, растянутым на десятилетия. Он был оружием шамана, отточенным как обсидиановый нож, ключом к дверям, которые современный человек, запертый в тесной клетке своего радио, предпочитает держать наглухо запертыми, даже не подозревая об их существовании, и самой твердой, самой надежной валютой в общении с силами, управляющими дождем, урожаем, болезнями и самой жизненной энергией.

Чтобы приблизиться к пониманию того, где, в какой момент была утрачена магия, нам необходимо совершить мысленное путешествие в ту эпоху, когда эта магия была не поэтической фигурой речи, а единственным содержанием и

смыслом ритуала. Нам нужно погрузиться в мир, который предшествовал приходу европейцев, в доколумбову Америку, в мир, где не существовало привычного нам, удобного разделения на медицину, религию и ботанику. Там, в красноватых, пляшущих отблесках костров, разведенных на горных плато Анд, где разреженный воздух сам по себе вызывал головокружение, и в душной, пропитанной влагой и запахом гниения сельве Амазонии, где каждый лист мог оказаться и лекарством, и смертельным ядом, человек впервые осознанно вдохнул дым тлеющего листа. Это действие, которое мы сегодня сводим к банальному «покурить», не имело ни малейшего отношения к поиску удовольствия. Напротив, это был акт предельной, запредельной концентрации и часто — сознательного физического страдания, настоящей пытки, которую шаман налагал на себя добровольно. Шаман, курандеро, знахарь или жрец вводил себя в состояние тяжелейшего токсического транса, намеренно балансируя на той опаснейшей, тонкой как лезвие бритвы грани, что отделяет жизнь от смерти, потому что верил свято и непоколебимо: только на этой границе, только в этом пограничном состоянии, когда сердце уже почти останавливается, а дыхание превращается в едва заметное трепетание, можно расслышать тихие голоса предков. Только там, за пеленой дыма и боли, духи соглашаются говорить.

Начнем с того, что само растение, которое мы сегодня зна-

ем под сухими латинскими названиями **Nicotiana tabacum** и **Nicotiana rustica**, для коренных народов доколумбовой Америки никогда не было просто растением. Оно было существом, причем существом женского пола, могущественной, капризной и своенравной «Матерью Табака» или «Бабушкой Табака», хозяйкой, которая требует беспрекословного уважения и соблюдения сложнейших протоколов взаимодействия. К ней нельзя было просто так подойти и сорвать ее листья для того, чтобы немедленно закурить. Сама эта мысль показалась бы древнему человеку чудовищным, немыслимым кощунством, гарантированно влекущим за собой страшную болезнь, безумие или скорую смерть. К ней обращались с долгими молитвами, которые передавались из поколения в поколение с абсолютной точностью, потому что одно неверно произнесенное слово могло оскорбить дух. Ей приносили жертвы — муку из маниоки, перья священных птиц, кровь из мужского локтя или женского языка. В мифах бесчисленных племен, разбросанных по бескрайним просторам Южной Америки, табак неизменно вырастает на могиле легендарного шамана или из тела убитого и расчлененного духа, что сразу, с самого порога, задает его глубинную амбивалентную, двойственную природу: это растение смерти, но смерти, дарующей прозрение, это трупный цветок, из которого рождается видение. Возьмем для примера сок мапучо — ритуальный напиток или чрезвычайно густую пасту, приготовляемую шаманами некоторых

племен из **Nicotiana rustica**, дикого, грубого табака с чудовищной, лошадиной концентрацией никотина. Его употребление вызывало не просто легкое опьянение, не ту теплую волну расслабления и легкой тошноты, которую испытывает начинающий курильщик, а мгновенное, сокрушительное каталептическое состояние. Тело шамана, только что сидевшего прямо и распевавшего монотонные песнопения, внезапно деревенело, опрокидывалось навзничь и падало замертво для мира людей. Зрачки расширялись до предела, поглощая радужку, дыхание становилось почти неразличимым, а конечности холодными как лед. Для стороннего наблюдателя шаман был мертв. Но именно в этот момент, по убеждению его соплеменников, его душа, освобожденная табачным шокотом от оков брэнной плоти, могла свободно, как ястреб, воспарив над сельвой, бродить в космических сферах, проникать в подземные миры или подниматься к звездам. Это была работа, требующая не просто таланта, а невероятной, многолетней выучки, строжайших специальных диет, исключаящих соль, сахар и сексуальные контакты, и глубокого знания песен-икарос. Случайный человек, непосвященный профан, рискнувший повторить этот смертельный опыт без должной подготовки и без присмотра опытного мастера, скорее всего, просто умирал на месте от остановки дыхания или необратимого паралича нервной системы, так и не добравшись до вожаемого мира духов, так и не успев ничего увидеть, кроме черной, бездонной пропасти небытия. Табак был не

правом, даруемым каждому по факту рождения, а суровой, почти недостижимой привилегией избранных, сложнейшим диагностическим инструментом в руках специалиста. Если заболел кто-то из племени — угасал ребенок, лихорадило роженицу или охотника поражала странная слабость — шаман накуривался до полного, абсолютного беспамятства, до той самой грани, где его начинало рвать желчью, а из ушей, казалось, сочился горячий туман, чтобы найти духа-похитителя, который украл жизненную силу или душу больного, вступить с ним в ожесточенный, смертельный бой в астральном путешествии и либо победить, вырвав добычу из его цепких когтей, либо погибнуть вместе с пациентом. Дым не просто вдыхался; он выдувался мощными, ритмичными толчками на обнаженное тело больного, на листья коки перед церемонией, на засеянные поля кукурузы, на оружие воинов перед битвой, потому что этот дым был не чем иным, как материализованной, видимой силой намерения, энергией, которая способна менять структуру реальности.

Совсем иная, но не менее мистическая, многослойная иерархия сложилась севернее, в великих цивилизациях Мезоамерики. Здесь, в мире ацтеков и майя, где города-государства вздымались к небу грандиозными каменными пирамидами, а календарь был сложнее и точнее европейского, курение приобрело черты изощренной, тщательно отрепетированной театральной церемонии, которая, однако, ни-

когда, ни на минуту не теряла своей первичной, пуповинной связи с кровью и космосом. Для ацтеков табак, который они называли пицьетль, был не просто растением, а прямым, физическим воплощением богини Циуакоатль — змеиной женщины, одного из самых сложных, пугающих и почитаемых божеств их обширного пантеона. Циуакоатль была покровительницей деторождения, женщин, умерших родами (которые приравнивались к доблестным воинам, павшим на поле битвы), но одновременно и свирепых воинов, и земли, которая поглощает мертвых, чтобы породить новую жизнь. Она была матерью, дарующей жизнь, и старухой, пожирающей трупы. Ацтекский пантеон в целом не знал привычных нам «добрых» богов в христианском, прощающем и утешающем понимании; это были колоссальные, пугающие, многоликие сущности, требующие от человека непрерывного, безостановочного кормления драгоценной влагой жизни — чальчиуатль, «водой из нефрита», то есть кровью. И здесь мы подходим к самому болезненному, самому неприятному для современного, воспитанного в гуманистических идеалах восприятия разрыву: священный табак и кровавые человеческие жертвоприношения, от которых нас отделяет пропасть в пять столетий, были не антагонистами, не свидетельством дикости и варварства, а частями единого, логичного и непротиворечивого механизма поддержания всеенского равновесия. Мы, жители эпохи хипстерских баров, где кальян заправляют грейпфрутовым сиропом и украша-

ют долькой помело, сидим в удобных креслах и с ужасом, смешанным с брезгливым непониманием, смотрим документальные фильмы про ацтекские пирамиды, с вершины которых, по рассказам конкистадоров, потоками стекала запекшаяся кровь. Нам кажется это апокалиптическим безумием, коллективным психозом, необъяснимой патологией. Мы не можем и не хотим понять. Но для ацтекского жреца, стоящего на вершине Великого Теокалли, это была не жестокость, а высшая форма космической ответственности. Вселенная, по их сложнейшим космогоническим мифам, существовала исключительно благодаря изначальному самопожертвованию богов: Тонатиу, Солнце, мог двигаться по небу только потому, что в незапамятные времена боги окропили его своей кровью в Теотиуакане. Люди были не просто обязаны, они были обречены возвращать этот колоссальный, неисчислимый долг, постоянно, без перерывов подпитывая угасающую энергию солнца и земли самой субстанцией жизни.

Какую же конкретную роль в этой кровавой, но возвышенной драме играл табак? Он был медиатором страдания, химическим мостом, переводящим человека через пропасть страха и сомнения. Когда ацтекского воина захватывали в плен во время «Цветочной войны» — ритуальных боев, которые велись именно с целью добычи пленников для алтарей — и готовили к жертвоприношению, ему давали выкурить богато украшенную трубку, наполненную крепчайшим пи-

циетлем, часто смешанным с другими психоактивными смолами. Это был отнюдь не акт гуманистического милосердия, не попытка успокоить нервы несчастного перед лицом неминуемой мучительной гибели, как могло бы показаться нам. Совсем наоборот. Табак вводил его в совершенно особый, измененный транс, в котором он переставал быть просто человеком, переставал быть захваченным в плен воином из соседнего племени и становился живым, дышащим воплощением бога Тескатлипоки или Шипе-Тотека. Он должен был подниматься по крутым, залитым кровью ступеням пирамиды, играя на глиняной флейте и демонстрируя не страх, а величие и отрешенность. Дурманивший дым священной трубки, смешанный с тяжелым, сладковатым запахом смолы копала, сжигаемой в массивных курильницах, создавал вокруг него плотный ароматический кокон, который делал жертву отрешенной от собственной плоти, от той оболочки, которую через несколько минут вспорют острым как бритва обсидиановым ножом, чтобы извлечь еще трепещущее сердце и поднять его, дымящееся и алое, к солнцу. Табак снимал не животный страх смерти, а самую фундаментальную привязанность к телу, растворение эго. Это была сложнейшая технология трансформации человека в бога, ягненка в пастыря. Для самих жрецов, проводивших эти ритуалы, табак был инструментом управления собственным сознанием в условиях постоянного, травмирующего контакта со смертью. Ацтекские хроники описывают жрецов, которые ходили в чер-

ных, заскорузлых от запекшейся крови балахонах, с колтунами в нечесанных волосах, с мочками ушей, изорванными в ключья ритуальными проколами, и их психика, безусловно, разрушилась бы очень быстро, не будь у них доступа к мощнейшим измененным состояниям сознания. Табак, наряду с священными грибами теонанакатль, пейотлем и перебродившим соком агавы октли, позволял им видеть за растерзанной плотью, за реками крови, за горами черепов не агонию и бессмысленную бойню, а переход энергии из одного сосуда в другой, вечный, нерушимый космический круговорот. Магия терялась не в сам момент жертвоприношения — для ацтека магия была именно там, на вершине пирамиды, в коротком промежутке между глубокой затяжкой и молниеносным ударом ножа. Магия начала теряться тогда, когда табак безжалостно изъяли из этого сложнейшего религиозно-философского контекста и сделали просто способом получить порцию никотина.

Промежуточным звеном между храмом и курительной комнатой, мостом между космической драмой Мезоамерики и светским ритуалом Северной Америки, стали, как ни парадоксально, североамериканские индейцы с их культовой трубкой мира. Этот образ — благородный вождь в головном уборе из орлиных перьев, поднимающий резной калумет к небу — настолько растиражирован и до степени полной неразличимости опошлен голливудскими вестернами и мас-

совой культурой, что мы катастрофически забываем о его истинном, колоссальном сакральном весе. Калумет, знаменитая «трубка мира», — это не просто курительный прибор, не просто красивая безделушка из красного камня. Это свод законов, дипломатический протокол, равный по значимости конституции, и самая прямая, непосредственная связь с Великой Тайной, с тем, что индейцы сиу называли Вакан-Танка. Для бесчисленных племен Великих равнин — лакота, шайеннов, арапахо, черноногих — трубка была священным даром Белой Буйволицы, мифического существа неописуемой красоты, которое пришло к людям в незапамятные времена, принесло семь священных обрядов и научило людей жить в гармонии. Морфология трубки сама по себе была космогонической картой. Чаша трубки, вырезанная из мягкого, податливого, красного камня катлинита, добываемого в священных каменоломнях Миннесоты (месте, где запрещались любые межплеменные войны), символизировала женское начало, воспринимающую утробу земли, кровь предков. Чубук, длинный деревянный стержень, часто украшенный перьями, мехом и иглами дикобраза, символизировал мужское начало, проникающий луч, небо и ветер. Когда люди садились в нерушимый круг и ритуально соединяли чашу с чубуком, закуривая трубку, они не просто проводили церемонию — они в прямом, физическом смысле слова соединяли землю и небо, низ и верх, мужское и женское, прошлое и будущее, чтобы скрепить договор, который отныне освящен

самим устройством мироздания. Дым, который выдыхал курящий, медленно поднимающийся вверх, не был просто дымом; он становился видимой, обладающей формой молитвой. Слова, произнесенные в присутствии дымящейся трубки, чей дым, как живой свидетель, витал над головами собравшихся, нельзя было нарушить никогда, потому что свидетелем клятвы, данным скрепляющей печатью на договоре, выступал сам Создатель. Нарушение такой клятвы было бы космическим преступлением, которое неминуемо обрушило бы кару не только на лжеца, но и на все его племя.

Обратите внимание на одну физиологическую деталь, которая радикально, фундаментально отличает этот высокий ритуал от нашего бытового курения: затяжку в калумете делали не в легкие. Сама идея наполнить свои легкие священным дымом, задержать его там, чтобы никотин всосался в кровь, показалась бы индейцу абсурдной и профанической. Дым набирали в рот, в щеки, как драгоценный глоток воздуха, и тут же выдыхали его — вверх, к Небесному Отцу, вниз, к Матери-Земле, и на четыре священные стороны света. Это было подношение, разговор, но не потребление. Вдыхание табачного дыма глубоко, до самого диафрагменного спазма, и удержание его там ради наркотического «удара по голове», ради быстрого насыщения мозга никотином — это грубая, чисто физиологическая практика, которая пришла позже, вместе с белыми колонизаторами, которые гнались за

быстрым эффектом, за дешевым кайфом, не обременяя себя какой-либо философией. Для индейца же священной была не молекула никотина, а само намерение, с которым выпускался дым, та молитва, которую человек вкладывал в выдох. Табак в трубке часто смешивался с измельченной корой красной ивы, листьями толочнянки или сумаха — смесью, называемой киникинник, — не для улучшения вкуса в нашем понимании, а чтобы сделать дым более густым, плотным, почти осязаемым, превратить его в видимую субстанцию, соединяющую миры. Это был разговор, диалог, молитва, но никак не потребление и не «вредная привычка».

И вот на этом моменте высочайшей сакральной коммуникации мы должны остановиться и замереть, чтобы внимательно проследить, как именно, шаг за шагом, произошла подмена понятий, превратившая «растение силы» в «глобальную индустрию». Когда в конце XV века испанские каравеллы, ведомые генуэзцем Колумбом, наткнулись на берега Нового Света, европейцы столкнулись с культурой табака, которую они не поняли совершенно, но мгновенно, своим хищным нюхом, почуяли ее колоссальный экономический потенциал. Два монаха, сопровождавшие Колумба в его экспедициях — Роман Пане, иеронимит, которого считают первым этнографом Америки, и Бартоломе де Лас Касас, будущий «защитник индейцев», — оставили первые подробные, путанные, полные изумления и ужаса записи о стран-

ном обычае туземцев «пить дым». Они видели ту же самую трубку калумет, те же самые ритуалы, что мы описали выше, наблюдали, как индейцы вставляют раздвоенные трубки в ноздри и окуривают друг друга, но их взгляд был взглядом человека европейского Средневековья, намертво отфильтрованным через призму католической догмы и ужаса перед язычеством. То, что для шамана было высочайшим искусством исцеления, способом изгнать болезнь, для инквизиторского ума было прямым, неприкрытым сношением с дьяволом. То, что для вождя племени таино было дипломатическим актом, скрепляющим союз, для конкистадора — варварским суеверием, которое следовало искоренить огнем и мечом.

Однако магия табака, даже будучи нераспознанной и поруганной, оказалась сильнее религиозных запретов. Первое время европейцы, рискнувшие попробовать табак на Карибах, описывали свои ощущения исключительно как тяжелейшее отравление. Жуткая горечь, обжигающая горло, внезапное головокружение до потери ориентации в пространстве, обильная рвота, холодный пот и ощущение, что земля уходит из-под ног. Но почти сразу же сформировался тот дуализм восприятия, который будет преследовать табак на протяжении всей его истории. С одной стороны, Церковь объявила табак «дьявольским ладаном». Вспомним знаменитую, почти анекдотическую, но абсолютно реальную историю Род-

риго де Хереса, простого матроса с корабля Колумба «Санта-Мария», который первым из европейцев привез привычку курить свернутые листья в Испанию, в свой родной городок Айямонте. Увидев, как из его рта и носа валит густой серный дым, благочестивые соседи, осеняя себя крестным знаменем, решили, что в беднягу вселился сам Вельзевул, и Святая Инквизиция, недолго думая, уpekла его в тюрьму, где он провел несколько лет. Ирония судьбы, ставшая притчей во языцех: когда Родриго де Херес вышел на свободу, весь Мадрид уже курил. Это не просто забавный исторический анекдот, это точнейшая, математически выверенная иллюстрация того, как профанное, низменное, потребительское победило сакральное. Инквизиция наказывала не за употребление вещества как такового, а за то, что человек единолично, без санкции и контроля Церкви, использовал инструмент для общения с духовным миром, становясь самодеятельным шаманом. Как только табак перестал быть индивидуальным шаманским трансом и был переквалифицирован придворными врачами в «лекарство» от мигрени, подагры, чумы и меланхолии, Церковь сменила гнев на милость. Произошла первая великая профанация: табак из способа общения с иным миром превратили в способ лечения мира этого. Европейские врачи XVI века провозгласили его панацеей, универсальным средством от всех болезней. Жан Нико, французский посол в Португалии, чьим именем позже ботаники назовут никотин, послал табачный порошок са-

мой Екатерине Медичи, могущественной королеве-регентше, как чудодейственное средство от ее хронических мигреней. Королева начала нюхать табак, и мода на нюхательную смесь мгновенно, как лесной пожар, распространилась среди всей европейской аристократии. Нюхать, а не курить, заметьте. Табак вошел в тело через слизистую носа, аккуратно, благородно, без вульгарного дыма и опасного транса, как утонченное лекарство, как светский ритуал с золотой табакеркой, а не как грубый портал для духов. Магия исчезла бесследно, осталась голая, скучная биохимия, которую так удобно монетизировать.

Пройдет еще несколько столетий, и эта голая биохимия породит монстра, которого мы сегодня знаем как табачную индустрию. К моменту колонизации Америки табак перестал быть магическим растением для самих колонистов и превратился в главный товар, который в буквальном смысле спас первые британские поселения от голодной смерти. Вирджиния и Мэриленд были построены на табаке, их экономика, их социальная структура, их законы были продиктованы потребностями этой одной-единственной культуры. Но это уже был не тот табак, что выращивали шаманы для своих ритуалов. **Nicotiana rustica**, грубый, мощный и психоактивно опасный, уступил место **Nicotiana tabacum**, более мягкому, сладковатому, лишенному острых углов, пригодному для массового, конвейерного производства. Растение изменило

свою душу, подстроившись под требования рынка. На смену шаманской резной трубке, где каждая затяжка была словом молитвы, пришла дешевая глиняная трубка голландского матроса, которая стала инструментом быстрого, отчуждаемого досуга, способом убить время между вахтами. Матрос курил, чтобы убить время, снять нервное напряжение, заглушить чувство голода и тоску по дому. Здесь нет и тени ритуала, есть только грубый, животный рефлекс, замыкание никотиновых рецепторов. Уже тогда, в XVII-XVIII веках, наиболее чуткие философы и моралисты забили тревогу. Король Яков I Английский написал свой знаменитый трактат «Возражение против табака», где называл курение «обычаем, отвратительным для глаз, ненавистным для носа, вредным для мозга, опасным для легких, а черный вонючий дым его напоминает дым из бездонной пропасти Стикса». Король, сам того не осознавая, тосковал по утраченной магии. Он ругал не просто вредную привычку, он интуитивно чувствовал кощунственную профанацию: человек, использующий священный дым для праздного пускания колечек, совершает преступление против самой природы вещей.

Но ничто уже не могло остановить превращение табака в глобальную индустрию, потому что табак стал первой глобальной зависимостью, на которой строился фундамент современного капитализма. Плантации Вирджинии требовали рабского труда. Кровавые ритуалы ацтеков, где пленному да-

вали трубку перед смертью, сменились кровавой реальностью табачных полей, где рабам выдавали табак как поощрение, как дешевый наркотик, помогающий забыться и не бунтовать. Это дьявольская ирония истории: растение, которое когда-то использовалось для освобождения души из тела, стало инструментом порабощения тела. Шаман вдыхал дым, чтобы улететь к звездам; раб вдыхал дым, чтобы на несколько минут забыть, что он в цепях. Магия вывернулась наизнанку. Если ацтекский воин курил перед тем, как ему вырвут сердце, становясь богом, то раб на плантации курил, чтобы заглушить свое человеческое достоинство. Произошла подмена вектора: табак перестал быть мостом вверх и стал завесой, скрывающей реальность.

XIX век довершил это превращение, превратив ритуал в инженерный процесс. Появилась сигарета. Это была технологическая революция, равная изобретению колеса в мире зависимостей. Трубка требовала времени, ухода, осознанного набивания, разжигания. Кальян, пришедший с Ближнего Востока, был громоздким, коллективным, медитативным действием. Сигарета же стала атомизированным, эгоистичным актом. Ее можно выкурить за три минуты в перерыве между станками. Она стала спутником нервного, спешащего горожанина. Именно сигарета убила последние остатки магии, потому что она не терпит паузы. Священный калумет требовал тишины и круга соплеменников. Сигарета, зажата

в желтых от никотина пальцах рабочего или нервно стряхиваемая пепел богемным поэтом, — это акт одиночества, невроза и саморазрушения. Когда мы видим фотографии шаманов Амазонии, выдувающих огромные клубы дыма на пациента, мы видим действие. Это внешний поток энергии. Когда мы видим человека с сигаретой, мы видим поглощение, втягивание дыма вглубь себя. Это два противоположных физиологических и магических акта: экзорцизм (выдувание зла) и интоксикация (самоотравление).

Но самое горькое в нашей истории — это финал, воплощенный в образе «расслабленного хипстера с кальяном». Мы совершили круг. От первобытного страха и трепета перед духами растений мы прошли через эпоху массового убийственного конвейера и пришли к новой симуляции сакральности. Современный кальянный бум, начавшийся в нулевых, — это бессознательная тоска по утерянному ритуалу. Хипстер не пьет просто дым, он играет в магию. Ему дают шипящий прибор, похожий на алхимический аламбик. Угли, фольга, жидкости странных цветов, длинные шланги — все это имитирует священнодействие. Но содержание выхолощено полностью. Кальян курят не для того, чтобы воспарить к духам, и даже не для того, чтобы получить мощный никотиновый удар (часто в смесях уровень никотина минимален, заменен ароматизаторами). Его курят для создания атмосферы псевдо-расслабления, для антуража. Дым

стал просто декорацией для селфи. Вкус «клубника со сливками» или «мармеладные мишки» окончательно десакрализует дым, делая его инфантильным, безопасным атрибутом. В этой точке табак окончательно теряет связь с обеими своими ипостасями. Он больше не портал к богам и не горький символ мужской суровости. Это просто пар, безвкусный и бесплотный, как и сама эпоха пост-правды.

Где же потерялась магия? Она не потерялась. Она была систематически уничтожена и заменена симулякрами. Первый удар нанесла колонизация, отделившая «эффект» от «смысла». Европейцу не нужен был разговор с духом табака, ему нужно было средство от мигрени и веселой тошноты. Второй удар нанесла индустриализация, превратившая священный лист в гомогенизированную бумажную палочку, упакованную в пачку с предупреждением о смерти. Смерть из союзника и проводника превратилась в угрозу, которую пишут мелким шрифтом. Третий, последний удар нанес маркетинг, создавший кальянную с лаунж-музыкой. Здесь уже нет ни Бога, ни Дьявола, ни Жизни, ни Смерти. Есть только дизайн и комфорт.

Однако где-то в джунглях Амазонии старый шаман племени яномами все еще набивает свою трубку крепчайшим мапучо. Он знает, что дым — это кровь звезд, а процесс курения — это охота за болезнью внутри тела пациента. Он

смотрит на пустой, сладкий пар чужаков и видит в нем то, что мы перестали замечать: абсолютную пустоту. Магия исчезла не из табака. Табак остался растением силы. Он все еще способен убить лошадь каплей никотина и ввести шамана в каталепсию. Магия исчезла из нас. Мы перестали уметь быть ацтекским воином, встречающим свою смерть с затажкой, и стали просто потребителями, которые даже не знают, о чем попросить духа, потому что ни в каких духов больше не верят. Мы променяли кровавый ритуал на хипстерский расслабон, даже не заметив, что вместе с кровью из нашей жизни ушла подлинная трансцендентность, оставив нам лишь химию, привычку и стиль.

Глава 2. Кола против сигареты: Два подарка Нового Света

Если первая глава нашей истории была посвящена тому, как магия превратилась в товар, как сакральные ритуалы древности были спрессованы в потребительские привычки, то вторая глава — это рассказ о странной, почти детективной, полной драматизма и иронии судьбе двух растений-близнецов, двух даров, которые Новый Свет преподнес Старому с той же двусмысленной щедростью, с какой ацтекская богиня Циуакоатль дарила и жизнь, и смерть одновременно. Речь идет о листе коки и листе табака — двух зеленых вестниках, вышедших из одного и того же мира доколумбовых цивилизаций, из одного и того же горнила шаманских практик, но проделавших в истории радикально, фундаментально разный путь. Они подобны двум братьям-близнецам, разлученным в детстве: один стал генералом на виду у всех, чье имя выбито на фронтонах бирж и чье лицо растиражировано на миллионах рекламных плакатов, а другой — тeneвым кардиналом, серым кардиналом, который из-за кулис управляет мировой экономикой, оставаясь при этом невидимым, неузнанным и неопознанным. Один ворвался в глобальную цивилизацию открыто, агрессивно, с гордо под-

нятой головой, как конкистадор, водружающий знамя на завоеванной земле, не скрывая своей разрушительной силы. Другой проник в кровеносную систему западного мира тайно, извилисто, маскируясь, меняя имена и обличья, как лэзутчик, который столетиями живет среди чужаков, притворяясь одним из них, перенимая их язык и привычки, пока в один прекрасный день не оказывается, что он и есть подлинный хозяин положения.

Это история о том, почему табак стал символом целых эпох, государствообразующей отраслью, предметом публичных дебатов, острых политических конфликтов и судебных исков на миллиарды долларов, а кока осталась растением-фантомом, чье могущество признают лишь вполголо-са, за закрытыми дверями корпоративных советов директоров, и чье имя в массовом сознании связано не с тысячелетней сакральной традицией, не с мудростью индейских шаманов, а с белым порошком, насилием, войнами наркокартелей и подпольными лабораториями в колумбийской сельве. Почему один и тот же континент, одна и та же культура породила два вещества, которые покорили мир столь непохожими способами? Чтобы понять эту разницу, нам придется проследить, как европейские монархи сначала проклинали «дьявольскую траву», угрожая курильщикам отлучением от церкви, ссылкой на галеры и вырыванием ноздрей, а затем, словно по мановению злого волшебника, начинали са-

жать табак принудительно, заставляя колонистов и рабов выращивать его на каждой пяди земли, потому что казна, этот ненасытный молох, требовала золота, а табак оказался золотом, которое можно вырастить из земли, срезать и высушить. Нам придется заглянуть в серебряные рудники Потоси, где человеческая жизнь ценилась меньше, чем урожай зеленого листа, и в салоны викторианской Англии, где кокаиновое вино пили литературные гении и римские папы.

Начнем с того, что и табак, и кока имеют поразительно схожие биографии в доколониальный период. Они будто вышли из одной колыбели, возвращенные схожими руками. Оба растения были священны. Оба считались прямыми дарами богов, и с каждым был связан сложнейший, многоуровневый космогонический миф, объясняющий происхождение мира и места человека в нем. Если табак у ацтеков был плотью Циуакоатль, а у индейцев равнин — даром Белой Буйволицы, мистической женщины, которая принесла священную трубку и научила людей молиться дымом, то кока для инков была не менее, а в некотором смысле даже более сакральным, интимным растением. Само ее название на языке кечуа — «мама кука» — переводится как «мать кока», и это не метафора, не поэтическое преувеличение, а прямой и недвусмысленный титул, обозначающий живую, заботливую, питающую сущность. Легенда гласила, что Мама Кука была прекрасной женщиной неземной, ослепительной красоты, которая

однажды согрешила своей неверностью, нарушила священные узы брака, и разгневанные боги превратили ее в куст, листья которого обладают свойством утолять голод, снимать усталость и дарить блаженное забвение печалей. Таким образом, жевание листа было актом возвращения в материнское лоно, получением утешения от самой Матери-Земли.

Но здесь кроется важнейшее различие в их судьбах и в самом характере их действия. Если табак был растением преимущественно шаманским, растением вертикального транса, инструментом путешествия в верхние и нижние миры, инструментом разрыва обыденной реальности, то кока была растением горизонтальным, растением земного выживания, выносливости и социальной организации. Табак разрывал связь с миром, унося сознание ввысь; кока, напротив, укрепляла связь с миром, помогая телу справляться с его суровыми требованиями. Табаком пользовались избранные — жрецы, шаманы, вожди, воины перед смертью, те, кто стоял на пороге великого перехода. Курение табака было событием экстраординарным, часто коллективным ритуалом, требовавшим специальных инструментов — трубок, мундштуков, — и специального времени. Коку же жевал каждый. Вернее, не каждый в смысле «любой желающий», а каждый, кому это было предписано сложной, иерархической системой имперского регулирования. Это не был акт индивидуального произвола; это была функция, встроенная в государ-

ственный механизм.

И вот здесь мы подходим к первому, самому ключевому различию в судьбе двух растений, которое предопределило всю их дальнейшую историю. Табак в доколумбовой Америке, при всей своей глубокой сакральности, был растением до известной степени демократичным в ритуальном смысле. Его использование, хотя и окруженное правилами, не было жестко централизовано. Любой охотник мог выкурить трубку после удачной охоты, вознеся дым в благодарность духу убитого зверя, признавая свою вину перед природой и восстанавливая космический баланс. Любая семья могла окурить свой дом от злых духов и болезней, используя дым как очистительную стихию. Табак, при всех ограничениях, был относительно доступен, его можно было выращивать на семейном участке, его можно было обменивать. Кока в Империи инков была монополизирована с такой железной, тоталитарной строгостью, которая сделала бы честь любому современному фармацевтическому концерну или государственной корпорации. Лист коки был буквально валютой власти, самым твердым обеспечением лояльности. Его употребление было привилегией, дарованной Сапа Инкой — единоличным правителем, Сыном Солнца — своим подданным за особые заслуги, за пролитую кровь, за сверхчеловеческую выносливость. Гонцы часки, пробежавшие по горным дорогам империи сотни километров с узелками кипу за

спиной, эти живые артерии информации, получали коку как топливо для своих сверхчеловеческих марафонов, как официальное государственное горючее. Воины получали ее перед битвой, чтобы не чувствовать страха и усталости. Жрецы использовали ее для гаданий, рассыпая листья по черной ткани, читая узоры судьбы и совета богов. Но простой крестьянин-митайю, работавший на террасах, не мог просто так пойти и набрать себе листьев. За этим следила бюрократия, столь же всепроникающая, как и сам культ Солнца, разветвленная сеть надзирателей и учетчиков, которые знали, кому, сколько и когда положено сакрального листа.

Именно эта жесткая встроенность коки в систему административного контроля, в саму структуру имперской власти, предопределила ее дальнейшую драматическую судьбу. Когда испанские конкистадоры во главе с неграмотным и хитрым Франсиско Писарро вероломно схватили и казнили Атауальпу, последнего свободного Сапа Инку, они уничтожили не просто монарха, не просто человека. Они обезглавили всю систему распределения сакральных и материальных благ, перерезали нерв, связывающий Небо и Землю в андском космосе. Империя рухнула не только политически, но и метафизически. И перед завоевателями встал прагматичный, хозяйский вопрос: что делать с этим странным листом, который туземцы жуют постоянно, почти не вынимая изо рта, но который не пьянит, как вино, не вызывает буйного веселья или

агрессии, и не дарит ярких галлюцинаций, как их собственные языческие грибы и кактусы? Как классифицировать это вещество, которое не укладывается в привычную европейскую дихотомию «пища — яд — опьянение»?

Ответ на этот вопрос и составляет суть драмы. Испанцы, уничтожив империю инков, первым делом, повинувшись своему религиозному рвению, попытались уничтожить и коку. Они интуитивно чувствовали, что этот лист — ключ к чему-то, чего они не понимают. Католическая церковь на Втором Лимском соборе в 1567 году вынесла вердикт, объявив жевание коки языческим ритуалом, идолопоклонством и смертным грехом, поскольку индейцы имели обыкновение перед тем, как положить листья в рот, шептать имена своих демонов и духов гор, призывая их в свидетели и помощники. Епископы и миссионеры гневно вопрошали в своих проповедях: как можно терпеть это мерзкое суеверие, эту «жвачку дьявола», которая мешает индейцам принять слово Божье, заменяя Святое Причастие этим сатанинским растением? Но прошло совсем немного времени, буквально несколько десятилетий, и та же самая Церковь, те же самые колониальные власти, те же самые ордена резко и беззастенчиво изменили свое мнение на 180 градусов. Причина была проста до цинизма, до полной моральной наготы: серебряные рудники Потоси. Это адское, фантазмагорическое место, «Гора, пожирающая людей», расположенное на чудовищной высоте

в четыре тысячи метров над уровнем моря, где воздух разрежен настолько, что непривычный человек задыхается, просто стоя на месте, где кровь течет из ушей и носа, требовало бесконечного потока рабочих рук. Индейцы, согнанные на рудники по системе миты — принудительной трудовой повинности, умирали тысячами, десятками тысяч от истощения, холода, обвалов и жесточайшей горной болезни.

И вот тут-то испанские надсмотрщики, инженеры и священники сделали прагматичное, дьявольски рациональное открытие: индеец, жующий коку, работает вдвое дольше, ест втрое меньше и почти не жалуется на усталость и боль. Кока подавляла аппетит, что было экономически выгодно, она бодрила и согревала, она притупляла чувство безысходности и превращала человека в идеальный, безотказный автомат. Кока оказалась идеальным топливом для человеческой машины, природным амфетамином, который позволял выжимать из тел рабов максимум производительности до последней калории, до последнего вздоха. Священный лист, дар богов, «Мать Кока», утешительница страждущих, стала инструментом геноцида, смазкой для шестерен колониальной машины смерти. Церковь мгновенно и цинично пересмотрела свою позицию: жевание коки больше не было идолопоклонством, если индеец предварительно крестился и не шептал языческих молитв. Более того, церковь сама начала активно торговать кокой, потому что обнаружила, что налог

с продажи листьев приносит колоссальный, стабильный доход. Лист перестал быть сакральным, но стал строго экономическим, фискальным инструментом. И в этом превращении он оказался наглухо привязан к конкретному этносу и конкретным климатическим условиям. Кока росла только на восточных склонах Анд, в условиях тонкого баланса влажности и высоты, и жевали ее почти исключительно индейцы, привязанные к земле. Она стала маркером угнетенной расы, биохимическим топливом для покоренных, чем-то глубоко чуждым и экзотическим для самих завоевателей.

С табаком произошло нечто совершенно иное, прямо противоположное по своему вектору. Если кока осталась в колониях как локальное средство эксплуатации, запертое в высокогорной резервации, то табак совершил головокружительный, триумфальный прыжок через Атлантику и стал растением-космополитом, гражданином мира. Почему? Причин несколько, и все они глубоко знаковы для понимания механики культурной экспансии. Во-первых, табак не требовал такой специфической, капризной экосистемы. Это была культура-колонизатор, биологический викинг. Его можно было выращивать практически везде — от влажных тропиков Вирджинии и Кубы до умеренного климата Франции и Германии, от жаркой, прокаленной солнцем Турции до прохладной, горной Швейцарии. Он легко адаптировался к новым почвам, меняя вкус и крепость, но сохраняя свою сущ-

ность. Во-вторых, способ употребления табака — курение — оказался невероятно, магнетически притягателен для европейцев сам по себе, своей формой и эстетикой. Вдыхание и выдыхание дыма — это зрелище, это перформанс, это манипуляция стихией. Жевание коки — процесс глубоко интимный, скрытый за щекой, не дающий никакого внешнего эффекта, кроме отталкивающего, с точки зрения европейца, зеленоватого оскала зубов и характерного оттопыренного комка за щекой, который делал индейца похожим на жвачное животное. Курение трубки, сигары, а позже и сигареты — это театр, это манифестация статуса, это облако задумчивости, в которое можно элегантно скрыться от назойливого собеседника, это ритмичный жест, который можно отрабатывать часами перед зеркалом, придавая ему мужественность или загадочность. В-третьих, и это, возможно, самое главное, табак с самого начала был воспринят европейцами как растение, обладающее лекарственными, почти волшебными свойствами для них самих, для белого тела. Ему приписывали способность излечивать головную боль, выгонять глистов, заживлять раны и даже защищать от чумы. Кока же воспринималась как нечто чужеродное, грубый костыль, который помогает «дикарям» выживать в их варварских, нечеловеческих условиях высокогорья, но утонченному европейскому телу и духу не нужно и даже вредно. Белый человек не нуждается в допинге, чтобы просто жить — такова была расистская логика.

История запретов и разрешений табака в Европе — это настоящий театр абсурда, грандиозная трагикомедия, в которой монархи и папы римские демонстрировали чудеса прагматической гибкости и циничной софистики, в мгновение ока превращая «дьявольское зелье» в «дар божий» и источник пополнения казны. Первая волна была волной отторжения, суеверного ужаса и жестоких репрессий. Папа Урбан VIII в 1624 году издал грозную буллу, запрещающую употребление табака в церквях под страхом отлучения и вечно-го проклятия. Причина была не столько в заботе о здоровье паствы, сколько в том, что священники и миряне, особенно в испанских колониях, где традиции смешивались, имели обыкновение курить прямо во время торжественной мессы, пуская клубы дыма в сторону алтаря и статуй святых, используя табак вместо священного ладана, что было прямым и дерзким продолжением языческих ритуалов, которые инквизиция так старательно, с таким аутодафе искореняла. Султан Османской империи Мурад IV, правитель свирепый, параноидальный и деспотичный, пошел еще дальше: он объявил курение государственным преступлением, караемым мучительной смертной казнью. По ночным улицам Стамбула ходили переодетые палачи, вынюхивающие сладковатый запах табачного дыма из-за ставен, и уличенным в этом пороке рубили головы прямо на месте, оставляя тела валяться на назидание остальным. В Московском царстве при Миха-

иле Федоровиче, первом из романовской династии, курильщиков нещадно пороли кнутом на площадях и вырывали им ноздри, чтобы навсегда отметить их позор и лишить возможности вдыхать «богомерзкое зелье». Царь Алексей Михайлович, вошедший в историю с парадоксальным прозвищем Тишайший, издал указ, по которому «за продажу богомерзкого зелья» били батогами и ссылали в сибирские остроги. Царь, как и султан Мурад, смертельно боялся пожаров от непотушенных трубок в деревянных городах, но еще больше — морального разложения и колдовства: «пить дым», выпускать его изо рта, казалось русскому человеку XVII века занятием бесовским, сродни скоморошеству и чародейству.

Но посмотрите, как стремительно и неумолимо менялась ситуация, как только на горизонте появлялся запах прибыли, перебивающий даже запах серы. Все те же монархи, которые проклинали табак, очень скоро поняли, что имеют дело с идеальным налогооблагаемым товаром, с мечтой фискала. Табак вызывает непреодолимое привыкание, а значит, спрос на него будет всегда, даже в самые тяжелые времена войн, неурожаев и эпидемий. Его легко контролировать, легко облагать акцизом, легко монополизировать и легко конфисковать. В Англии король Яков I, тот самый, который написал ученый и гневный трактат «Возражение против табака», где клеймил «отвратительный дым преисподней», очень быстро сообразил, что война с курильщиками бесполезна, а

вот пошлина на ввоз табака из колоний может существенно пополнить казну. Он ввел королевскую монополию и самолично установил размер пошлины, сделав табак одним из главных источников дохода короны. Во Франции «красный кардинал» Ришелье ввел налог на табак в 1629 году, и с тех пор французские монархи, сменяя друг друга на троне, лишь увеличивали ставки, превратив табачную монополию в одну из незыблемых опор государственного бюджета. Петр Первый, этот неистовый западник и реформатор, не только разрешил курение в России, но и активно, демонстративно насаждал его, видя в дымящейся трубке символ прогресса и европеизации. Он приказал выращивать табак в плодородной Малороссии и сам курил демонстративно, выпуская дым в лицо боярам, которые еще хорошо помнили, как при батюшке Алексее Михайловиче за это вырывали ноздри.

Кола же тем временем оставалась в тени, невидимая и неведомая европейскому обывателю. Она затаилась, как спящий дракон. В XIX веке, когда табак уже всюду шествовал по миру в виде элегантных сигарет, завоевывая фабрики, салоны и грязные окопы, кока все еще была ботаническим курьезом, экзотической диковинкой, которую привозили из Перу в европейские ботанические сады и кунсткамеры. Но именно в этот момент, в тишине лабораторий, и начинается тот самый тайный, извилистый путь, который в итоге приведет лист коки в каждый супермаркет планеты. Путь этот начался

с того, что европейские химики наконец-то, вооружившись методами алкалоидной химии, добрались до активного вещества, до самой души растения. В 1855 году немец Фридрих Гедке выделил алкалоид, который позже назовут кокаином — белый кристаллический порошок, концентрированная мощь сакрального листа. А в 1863 году корсиканский химик-предприниматель Анджело Мариани создал свое знаменитое «Вино Мариани» — изысканную настойку листьев коки на высококачественном бордоском вине, которое мгновенно стало любимым напитком пап, королей, писателей, изобретателей и актеров. Папа Лев XIII носил с собой персональную фляжку с этим вином, называя его своим «эликсиром жизни», и даже наградил Мариани золотой медалью Ватикана. Жюль Верн, Томас Эдисон, Александр Дюма, королева Виктория — все они были восторженными поклонниками этого тонизирующего напитка. Кокаин в составе вина был абсолютно легален, престижен и невероятно моден. Это был путь тайного, элитарного внедрения, путь через светские салоны и будуары, а не через поля сражений и прокуренные фабричные цеха.

Но самое удивительное, самое гениальное перевоплощение произошло позже. В 1886 году в Атланте, штат Джорджия, фармацевт и ветеран Гражданской войны Джон Пембертон, человек, страдающий от хронических болей после ранения и безнадежно пристрастившийся к морфию, изоб-

рел напиток, который должен был стать безалкогольной альтернативой «Вину Мариани» в условиях надвигающегося «сухого закона». Он назвал его Coca-Cola, что было буквальным и честным описанием состава: в него входили экстракт листьев коки и орех колы, богатый кофеином. Это был тонизирующий сироп, лекарство от нервов, головной боли и импотенции. В нем содержался кокаин, и поначалу это не скрывали, а напротив, гордо рекламировали как уникальное достоинство. Coca-Cola продавалась в аптеках как патентованное средство, наравне с микстурами от кашля. Так кока, священный лист инков, прошла через самое узкое игольное ушко в истории: она перестала быть листом, перестала быть ритуальным веществом, перестала быть даже порошком. Она стала жидкостью, брендом, логотипом, чувством. И когда в 1903 году под давлением общественной морали и нового законодательства кокаин из состава напитка убрали, заменив его «деароматизированными» листьями коки (из которых алкалоид удален, но аромат остается), это уже ничего не меняло. Привычка была сформирована. Мир подсел не на молекулу, а на миф, на вкус, на красную этикетку и фирменную бутылку. Кока завоевала мир тайно, не как психоактивное вещество, а как освежающий напиток, символ американского образа жизни, такой же невинный и вездесущий, как яблочный пирог.

Сравните это с судьбой табака. Табак никогда не прятался.

Он не менял имен. Он шел в атаку в лоб, не стесняясь своей природы. Его рекламировали с гигантских плакатов, на которых мужественные ковбои Marlboro скакали по бескрайним прериям. Его курили герои войны, кинозвезды, президенты, врачи в белых халатах. Табак стал символом зрелости, свободы, бунта, а позже — объектом грандиозной борьбы за общественное здоровье, в ходе которой его демонизировали так же яростно, как когда-то обожествляли. Кока же растворилась в газировке, стала невидимкой, и в этой невидимости — ее колоссальная, скрытая власть над миром. Миллионы людей, которые никогда в жизни не видели листа коки и с ужасом смотрят репортажи о наркокартелях, ежедневно потребляют ее производные в составе напитка, который стал самой узнаваемой торговой маркой в истории человечества.

Таким образом, перед нами два зеркальных пути. Табак — это история открытой агрессии, открытого завоевания, открытого конфликта между удовольствием и здоровьем, между привычкой и свободой. Это история, написанная дымом на небе. Кока — это история тайной инфильтрации, мимикрии, трансформации из сакрального растения в газированный напиток, потребляемый детьми. Оба этих растения изменили мир до неузнаваемости, перекроили его экономику и психологию, но одно сделало это с шумом и дымом, на виду у всех, а другое — тихо, как вода, которая точит камень, просачиваясь в культуру через аптечные пузырьки, винные

бокалы и жестяные банки. И если табак мы можем видеть, обонять и осязать, если его дым можно фотографировать и запрещать на законодательном уровне, то кола невидима, она внутри нас, она в самом языке современного капитализма, в его ритме, в его вкусе, и в этом ее самая страшная и самая гениальная победа.

Глава 3. Сестры-сигареты: Эмансипация на кончике мундштука

Существует одна старинная гравюра, датируемая приблизительно началом XVII века. Она была создана в германских землях, в той мрачной и напряженной атмосфере охоты на ведьм, когда воздух Европы, казалось, был пропитан не столько дымом очагов, сколько запахом страха, серы и горячей плоти. На этой гравюре запечатлена сцена суда: мы видим изможденную, одетую в лохмотья женщину со связанными руками, стоящую перед трибуналом суровых судей в тяжелых черных мантиях. Их лица бесстрастны и надменны, они — воплощение неумолимой патриархальной власти, карающей любое отклонение от нормы. Но внимание невольно приковывает стол вещественных доказательств, расположенный прямо перед ними. Чего там только нет: мутные пузырьки с подозрительными мазями и приворотными зельями, засушенные летучие мыши с перепончатыми крыльями, пучки трав, собранных, как уверяло обвинение, исключительно в полнолуние на Лысой горе, и амулеты из костей. И среди этого мрачного инвентаря колдовства, как равноправный участник ритуала, лежит самый крамольный предмет — гли-

няная курительная трубка.

Этот образ — не просто исторический курьез. Это подлинный ключ, отпирающий дверь в понимание того, насколько глубоко, архаично и трагично курение было связано с женской судьбой задолго до того, как тонкая белая сигарета стала глянцевым символом эмансипации. Трубка на столе инквизитора не была просто уликой, свидетельствующей о том, что подсудимая предавалась плотским утехам или переняла грубую мужскую привычку. Нет, в глазах теологов и судей она была символом куда более страшным. Она была зримым, материальным доказательством женского своеволия, знаком того, что эта женщина посмела самостоятельно, без посредничества мужчины-священника, без пастора, без отца или мужа, выстроить личный, интимный канал связи с иным миром. Ведьма, согласно тщательно разработанной средневековой демонологии, летала на шабаш верхом на метле или на оборотне, где в знак абсолютного отречения от Бога и людских законов целовала дьявола в зад. И там же, на этом inferнальном сборище, среди диких плясок и кощунственных пародий на мессу, она курила трубку, наполненную не простым табаком, а адским зельем, дым от которого затуманивал разум и укреплял связь с Князем Тьмы. Курение для женщины было не слабостью, а актом магии. Женщина с трубкой — это женщина, вышедшая из-под контроля, та, что отвергла предписанную ей роль безмолвной хранитель-

ницы очага и осмелилась сама решать, чем наполнять свои легкие, свою голову и свою судьбу. Она была потенциальной ведьмой, и пламя, пожиравшее её на костре, должно было очистить мир от этой ереси.

Пройдет три столетия. Исчезнут костры инквизиции, истлеют в архивах протоколы допросов с пытками, а мир перекуется горнилом индустриальной революции. И вот тогда та же самая символика — дым, женщина и власть — будет извлечена из пыльного сундука истории, тщательно отреставрирована и использована с точностью до наоборот. Эту работу проделают табачные корпорации, превратившие сигарету в «факел свободы», который новая женщина двадцатого века гордо пронесет по залитым электрическим светом проспектам мегаполисов. Это история о величайшей культурной подмене, о том, как индустрия, построенная на безжалостной эксплуатации никотиновой зависимости, сумела переписать древний, леденящий душу страх перед женской силой в ослепительный маркетинговый миф. И на этом мифе она заработала сотни миллиардов долларов, попутно методично приучая к самоубийственной привычке половину человечества.

Чтобы по-настоящему оценить дьявольский масштаб и циничную изощренность этой операции, нам необходимо совершить усилие и погрузиться в ту эпоху, когда женское ку-

рение было не просто нежелательным или дурным тоном, а представляло собой абсолютное, немислимое табу. Нарушение его каралось не только общественным остракизмом, уничтожением репутации и социальной смертью, но иногда и вполне реальным законом. С самого момента, как табак прижился в европейских портах и расползся по континенту, курение стало исключительно мужской прерогативой. Это был ритуал патриархата. Мужчина с дымящейся трубкой, вальяжно развалившийся в кресле у камина, — это образ власти, неторопливого размышления и собственника. Мужчина с толстой сигарой в прокуренном кабинете — это образ капитала, политического веса, умения принимать судьбоносные решения. Мужчины, вместе скручивающие сигарки в окопах или у заводской стены, — это образ военного товарищества, братства, скрепленного общим огнем. Женщина, которая дерзнула бы вторгнуться в этот клуб с теми же атрибутами, мгновенно становилась кем-то за пределами, выпадающим из самой структуры социальной нормы. Она вызвала не просто насмешливое презрение — она вызвала почти животное, брезгливое отвращение, смешанное с тревогой.

Вспомните массив классической живописи и литературы того времени. Галерея курящих женщин крайне специфична и не оставляет пространства для двусмысленности. Курящая женщина — это либо старая, беззубая цыганка-гадал-

ка, которая сидит на корточках у ярмарочной площади, с морщинистым лицом и трубкой в беззубом рту, и само её курение есть часть её шарлатанской, потусторонней экзотики. Либо это содержательница публичного дома — матрона с грубым, прокуренным, хриплым голосом, которая давно утратила всякие признаки женственности и сама превратилась в карикатуру на мужчину. Либо это экзотическая «дикарка» из африканских или азиатских колоний, чье поведение, включая курение, лишь подтверждает в глазах цивилизованного европейца её примитивность, нецивилизованность и животную натуру. Женское курение служило безошибочным маркером маргинальности, падения, сексуальной распущенности и категорического отказа от добродетели. Это был внешний симптом внутренней испорченности.

Буржуазная мораль XIX века, с её культом домашнего ангела, хрупкой и бесплотной хранительницы очага, довела это табу до хрустального совершенства. Леди не курит. Это утверждение не требовало доказательств, оно было аксиомой мироздания. Леди даже не должна была знать, как правильно держать сигарету или мундштук, ибо само это знание уже запятнало бы её чистоту. Курильщицами могли быть только те, кто по роду своих занятий уже поставил себя вне приличного общества: актрисы варьете и полусвета, дорогие куртизанки, натурщицы богемных художников с Монмартра, анархистки, посещающие прокуренные кафе

левых интеллектуалов. Словом, те, на ком уже стояло клеймо «падшей». Эта моральная стигма имела под собой тот же самый архаичный, иррациональный фундамент, что питал когда-то костры инквизиции: глубинный, липкий страх перед автономной женщиной, которая сама, единолично и бесконтрольно, решает, что именно впускать в свое тело. Каждая затяжка была метафорой непозволительного проникновения, неподконтрольного мужчине акта получения удовольствия. Зажженная сигарета в тонких женских пальцах была крошечным, но дерзким, ярким факелом бунта, и патриархальный мир с его безошибочным инстинктом самосохранения чувствовал исходящую от этого огонька угрозу.

Первый серьезный, тектонический удар по этой монолитной, казавшейся вечной, стене запретов был нанесен не гениальными маркетологами, а безжалостным молохом войны. Первая мировая война стала глобальным социальным сдвигом, который перемолол миллионы судеб и навсегда изменил гендерный порядок. Пока миллионы мужчин гнили в грязи окопов Вердена, захлебывались газом под Ипром и истекали кровью на колючей проволоке Соммы, женщины в тылу надели комбинезоны и заняли их места. Они встали к заводским станкам, вытачивая снаряды, запрыгнули на места вагоновожатых трамваев, сели за руль грузовиков, заполнили конторы, банки и склады боеприпасов. Они остригли длинные волосы, которые были символом их пола, в практичные

короткие стрижки, чтобы те не попадали в механизмы, и впервые в истории получили в руки собственные, и весьма неплохие, деньги. Вместе с мужскими профессиями и мужской ответственностью они неизбежно перенимали и мужские привычки, и ритуальное курение было одной из самых важных. В цехах, где воздух был тяжелым от запаха машинного масла и едкой пороховой взвеси, где монотонная работа длилась по двенадцать-четырнадцать часов без перерыва, короткая пауза на сигарету становилась вопросом выживания. Это была маленькая, доступная передышка, момент, чтобы перевести дух, крошечный личный бунт против смертельной усталости и грохота станков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.